

**ВОСТОРГОВ П. В. — Е. П. ПЕШКОВОЙ,
ВЫШИНСКОМУ**

ВОСТОРГОВ Петр Васильевич, родился в 1883. получил высшее музыкальное образование. Занимался научной работой, с 1918 — преподавал музыку в школе. 26 июня 1934 — арестован, 21 августа отправлен в психбольницу имени Кащенко, 12 марта 1935 — переведен в Загорскую психбольницу.

В августе 1936 — обратился за помощью в Е. П. Пешковой.

<10 августа 1936>

«1936. VIII – 10

НКВД.

Помощь политическим заключенным.

Екатерине Павловне Пешковой

Заключенного в Московской
Загорской психиатрической
больнице Восторгова Петра
Васильевича

Не имея ни родных, ни знакомых близких, кто мог за меня похлопотать — я обращаюсь к Вам — как человеку единственному, который о нас заботится во всем нашем закрытом от света мире.

Не оставьте и меня своим материнским вниманием и помогите мне в моем деле, о чем я и пишу в НКВД — сравнительно подробно.

Я не знаю, что мне нужно о себе писать и что не нужно, потому и прилагаю мое заявление в НКВД через Вас.

А дальше — ваше бесконечное, безграничное к нам, темничным страждущим внимание, руководство и совет.

Адрес моего заключения: станция Столбовая Курской железной дороги, село Троицкое, больница. Больному Восторгову.

Адрес моего доктора в Москве: Москва 5, 1-й Ольховский тупик, дом 4, кв. 8. Доктору Фохт С. А. — лечившему меня.

Политзаключенный П.В. Восторгов»¹.

К письму Е. П. Пешковой было приложено заявление прокурору Вышинскому.

«Прокурору Союза СССР товарищу Вышинскому

Находясь на принудительном
лечении в МЗПБ (станция Столбовая
(по Курской железной дороге)
село Троицкое, в больнице
Восторгова Петра Васильевича

Имею я квартиру и движимость в Москве (Сокольническая слободка, дом 5, кв. 9), — но не знаю, в каком положении находятся моя квартира и вещи, что осталось цело и что расхищено. До моего ареста соседи-квартиранты пугали меня: «На помойку в санках — будь здоров —

¹ ГАРФ. Ф. Р- 8409. Оп. 1. Д. 1535. С. 17. Автограф.

момент — и готово!» В 1934 г<оду> 26/VI меня взяли на Лубянку, № 2, через два месяца (21-VIII-34 г<ода>) переправлен в больницу Кащенко, она же Канатчикова, а 12/III – 35 г<ода>, через семь месяцев переброшен на ст<анцию> Столбовая М<осковско->Курск<ой> ж<елезной> д<ороги>, в МЗПБ, с<ело> Троицкое, где нахожусь как принуд<ительно больной> до наст<оящего> времени, т<о> е<сть> третий год — на принуд<ительном> лечении. По состоянию здоровья — чувствуется нравственный внутренний упадок сил, и я не знаю, за что я изолирован, на какой срок и где я должен хлопотать о своем освобождении и о снятии с меня принуд<ительного> лечения, — при аресте же отобрали и три папки документов. В день моего ареста (1934. 26.IV) квартира моя была при мне опечатана, а также и моя движимость. Одет я был в самое грязное, плохое, так как уверили меня, что все мое дело продлится два-три дня. За мое отсутствие — до 1936.VII.10 — все мои вещи, мои ноты (до 17 тысяч названий по каталогу, в том числе оперы) и др<угие> книги, исторические открытки до 1500 шт<ук>, альбомы, мебель и одежда пошли по базарам и магазинам, как мне сообщали и устно, и письменно. Я хлопотал о себе, но мои хлопоты были заочные, а потому напрасные и безрезультатные.

МЗПБ имеет справку от прокурора Сокольнич<еского> района (Красносельская 28), что квартира опечатана, вещи описаны и хранятся в домоуправлении (Сок<ольническая> слоб<ода>, д<ом> 5), — отнош<ение> № 518-18 от 15/IV -1935 г<ода>, но с осени того же 1935 г<ода> домоуправ хлопочет о распечатывании комнаты (из личных переговоров я узнал это) — так как признали, что меня нет в живых — и все имение мое выморочное "за неимением наследников", и 28/XI - 35 г<ода> комнату распечатали, заняли жильцами-соседями, вещи расхищены, но что из них осталось — я не знаю. Соседи подтвердят, что было и что у меня стало. Но главное в том, что я одинок, нет ни родных, ни знакомых, кто позаботится обо мне. Сейчас я не имею ни собственной одежды, ни белья, ни обуви, ни пальто. Все это у меня было в квартире с избытком, не говоря о рукописях в шкафах и на полках, что было собрано за 40 лет моей жизни (род<ился> в 1883 г<оду>) по науке и по нотам (из последних было около 3½ тысяч школьных песен, как у учителя за 18 лет работы). <По> справке из 24 отд<еления> милиции от 28/XI - 35 г<ода> — остались одни вещи.

С трудом я получил кратчайший отпуск на поруки знакомых, для знакомства на месте с положением моей квартиры — в казенной больничной одежде. И я прошу Вас разъяснить, посоветовать, помочь и указать, как мне поступить в данном несчастном случае. Мой личный визит в квартиру показал следующее:

- 1) из квартиры все выброшено, вычищено и в ней живут;
- 2) фисгармония (новая, заграничная) испорчена, валяется в кухне у окна и завалена чужим мусором;
- 3) от скрипки остался один футляр (я лично не допущен до осмотра);
- 4) также не допустили меня до книг и нот, говорили, что все цело, что осталось;
- 5) ни мебели, ни сундука с вещами мне не показали. Но люди с соседних дворов рассказывали, что и как тащили из квартиры;
- 6) при разговоре с членом Жакта узнал, что мои вещи у них выморочные — за неимением меня в живых?!!

В самой квартире 4/VII - 35 г<ода> до 11 ч<аса> ночи была попойка и шум, когда я хотел поинтересоваться своим имением, так что я не мог попасть в свою квартиру. Квартиранты там все новые, незнакомые — и им нет до меня никакого дела.

Прошу Вас усердно, разъясните, помогите мне, как мне освободиться от принуд<ительного> лечения, чтобы как-нибудь и хотя что-нибудь

спасти от расхищения, так как я теперь разут, раздет, без приюта, без документов, — и одинок.хлопотать обо мне некому — все напуганы и застращены жильцами.

Наход<ящийся> на лечении в МЗПБ П. В. Восторгов (адрес д<окто>ра Фохт: 1-й Ольховский тупик, д<ом> 4, кв. 8)»².

^{2 2} ГАРФ. Ф. Р- 8409. Оп. 1. Д. 1535. С. 37. Автограф.